

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Санкт-Петербургский филиал

На правах рукописи

СТЕПАНОВА Екатерина Викторовна

**ЭПИГРАФИКА СУНСКИХ КОНФУЦИАНЦЕВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Специальность 07.00.09 – «историография, источниковедение
и методы исторического исследования»

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2007

Работа выполнена в секторе Дальнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Научный руководитель

кандидат исторических наук
МАРТЫНОВ Александр Степанович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
СМОЛИН Георгий Яковлевич
(восточный факультет СПбГУ)

кандидат исторических наук
АЛИМОВ Игорь Александрович
(МАЭ им. Петра Великого
/Кунсткамера/ РАН)

Ведущая организация

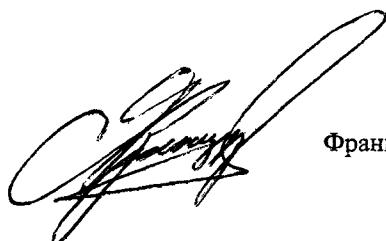
Государственный Эрмитаж

Защита диссертации состоится «01» февраля 2008 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.041.01 при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «12» декабря 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Французов С.А.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена тем, что многие из исследуемых текстов ранее не рассматривались в синологической литературе на русском языке. Эпиграфика прогулочного характера, представленная в работе жанром *юцзи* 游记 («записи о путешествиях»), является важным историческим источником для изучения структуры конфуцианской личности, анализа взаимоотношений конфуцианской личности и природы, природы и общества в целом. Эпиграфика *юцзи* окончательно сформировалась и достигла расцвета в своем развитии в период Северной Сун (960-1127), поэтому именно этот исторический отрезок был выбран диссертантом для рассмотрения данного культурного явления. В произведениях *юцзи* конфуцианская личность предстает перед исследователем в своей внеслужебной ипостаси, что дает широкие возможности говорить об интеллектуальном досуге конфуцианского сословия.

Китайская эпиграфика попадает в круг внимания историков именно в сунское время. В качестве исторического источника она была впервые использована знаменитым историком Оуян Сю 欧阳修(1007-1072), который сверял данные эпиграфических памятников с данными династийных историй для пополнения последних¹. Впоследствии эпиграфические источники неизменно привлекались историками. Китайская эпиграфика самая многочисленная в мире. Эпиграфическая традиция в Китае не прерывается с династии Шан-Инь (2-ая половина II-го тыс. до н.э.) и вплоть до настоящего времени. Круг китайских эпиграфических источников необычайно широк. Наиболее древние эпиграфические памятники – иньские гадательные надписи на костях цзягувэнь 甲骨文 и чжоуские надписи на бронзовых сосудах цзинъвэнь 金文. С династии Хань (206 г.до н.э. – 220 г.н.э.) эпиграфика становится массовой: канонические тексты, эпитафии известных людей, надписи для храмов и других построек начинают вырезаться на каменных стелах. Разнообразие китайской эпиграфики хорошо прослеживается на материалах коллекции музея «Лес стел» в Сиани (西安碑林). Мемориальная эпиграфика существует во всех мировых культурах, лирическая эпиграфика, передающая внутреннее состояние авторов, складывается только в Китае. Лирическая составляющая лучше всего проявляется в эпиграфике прогулочной тематики, возникновение которой совпадает по времени с появлением пейзажной поэзии и относится к периоду Шести династий (Ш-VI вв.). Формирование такой эпиграфики происходит постепенно от периода Шести династий до династии Тан (618-907). Расцвет эпиграфики *юцзи* приходится на период Северной Сун.

¹ См. Латина З.Г. Эпиграфические исследования средневекового историка Оуян Сю (1007-1072) // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972. С. 48-62.

Степень разработанности проблемы: Представленные в работе тексты никогда не были обделены вниманием читателей и исследователей, однако они довольно долгое время не рассматривались как единый тематический пласт. С периода Шести династий и до Тан *юцзи* еще не выкристаллизовались в определенный жанр и были представлены в таких видах прозы, как *шу 书*, *сюй 序*, *юцзи 记*. Жанр *юцзи* складывается в эпоху Тан в творчестве Лю Цзун-юаня 柳宗元(773-819). Название *юцзи* состоит из двух иероглифов: первый из них *ю 游* относится к содержанию произведения, второй *юцзи 记* - к его форме. *Юцзи* переводится как «записи о путешествиях». Первые сборники *юцзи* появляются при династии Мин (1368-1644). Интерес к изучению *юцзи* в современном Китае возникает одновременно с началом широких исследований местных географических описаний *фан чжи*². (Параллельное изучение *юцзи* учеными КНР свидетельствует о том, что в материалах прогулочной эпиграфики содержатся в том числе богатые сведения по региональной истории и исторической географии.) До недавнего времени *юцзи* специально не исследовались, однако с 80-х годов XX-го века начали выходить сборники *юцзи*, снабженные предисловием и комментариями. Например, в 1982 году в серии «Выборочное чтение произведений китайской классической литературы» был издан «Сборник древних *юцзи* с комментариями» (古代游记选注。中国古典文学作品选读 / 刘操南, 平慧善 选注。上海, 1982)³. В 2002 году было начато издание наиболее полной из известных автору антологий *юцзи* «Большого свода китайской прозы в жанре *юцзи*» под редакцией Чжан Жэнь-цзяня (中国游记散文大系 / 张仁健, 林友光主编。- 太原: 书海出版社, 2002-2004. – Далее ЧЮСД). Антология публикуется в Тайюане, к настоящему времени издано порядка десяти томов, в которых материал расположен по географическому принципу. В 2004 году был издан первый и единственный из известных диссертантам обобщающий труд, посвященный *юцзи*, - «История китайской литературы о путешествиях» (中国游记文学史 / 梅新林, 俞樟华 主编。- 上海: 学林出版社, 2004. – Далее ЧЮВШ), в котором рассматриваются особенности жанра и прослеживается его развитие от момента возникновения в эпохи Вэй (220-265) и Цзинь (265-420) и до настоящего времени. Авторы книги Мэй Синь-линь и Юй Чжан-хуа понимают *юцзи* как

² Об исследованиях *фан чжи* см.: Доронин Б.Г. Историко-географические описания (фан чжи): к характеристике жанра // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.7. Л., 1983. С.54-71; Доронин Б.Г. Китай XVII-XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988. С. 99-112.

³ Среди других изданий можно упомянуть: 历代游记选 / 叶幼明选注。 (Сборник *юцзи* разных династий / Сост. и ком. Е Ю-мин). Чанша, 1983; 宋代游记选粹 / 李自修 择注。 (Сборник *юцзи* династии Сун / Сост. и прим. Ли Цзы-сю). Тяньцзинь, 1989; 游记精华 / 卞孝萱 主编。 (Все лучшее из *юцзи* / Гл.ред. Бянь Сяо-сюань). Чэнду, 1999.

любое литературное произведение о путешествии, что намного шире эпиграфического жанра *юцзи*, который представлен в данной работе. Сунская эпиграфика *юцзи* до настоящего времени не была представлена в работах европейских и российских ученых в качестве единого тематического пласта. Первые переводы произведений, тематически относящихся к *юцзи*, на русский язык были выполнены академиком В.М.Алексеевым. Среди них «В беседке пьяного старца» Оуян Сю, «В моей беседке человека, осчастливленного дождем» и «Гора с каменным колоколом» Су Ши⁴. Материалы *юцзи* Су Ши привлекались в работах А.С.Мартынова и Е.В.Завадской. В статье «Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1037-1101) и Чжу Си (1130-1200)» А.С.Мартынов использовал в том числе и *юцзи* Су Ши для анализа внутреннего мира конфуцианской личности, в частности, им привлекались «Надпись для беседки «Пьяный Ба», «Надпись для кумирни Чжуан-цзы», «Надпись для павильона Драгоценной живописи», «Надпись для павильона Чаожань»⁵. Е.В.Завадская обращалась к материалам *юцзи* для характеристики эстетики Су Ши⁶.

Источники: Источниковой базой исследования стали тексты эпиграфических надписей *юцзи*, относящиеся к периоду Северной Сун. Большинство использованных произведений принадлежит кисти шести сунских авторов, вошедших в «восемь великих авторов Тан и Сун». «Восьмью великими авторами Тан и Сун» называют восемь выдающихся прозаиков, живших при династиях Тан и Сун, среди них к династии Тан относятся Хань Юй 韩愈(768-824) и Лю Цзун-юань, к династии Сун – Оуян Сю, Су Сюнь 苏洵(1009-1066), Су Ши 苏轼(1037-1101), Су Чэ 苏辙(1039-1112), Цзэн Гун 曾巩(1019-1083) и Ван Ань-ши 王安石(1021-1086). Все восемь литераторов поддерживали прогрессивное для своего времени литературное движение за возврат к древности (古文运动 или 复古). Это движение было начато при Тан, во главе его стоял Хань Юй, а после периода Пяти династий (907-960) продолжено сунскими литераторами, сначала Лю Каэм 柳开(947-1000), потом Оуян Сю, который был большим поклонником Хань Юя, и далее Су Ши. Также были использованы *юцзи* других сунских литераторов, среди них надписи Лю Каэя, Фань Чжун-яня 范仲淹 (989-1052), Сыма Гуана 司马光(1019-1086), Ли Гэ-фэя 李格非, Шэнь Ко 沈括(?1031-?1095), Се Цзяна 谢绛(994-1039), Ли Фу 李复 и других. Надписи отбирались по собраниям сочинений авторов, сборникам прозы «восьми великих авторов

⁴ Алексеев В.М. Китайская классическая проза / В переводах академика В.М.Алексеева. М., 1958.

⁵ Мартынов А.С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1037-1101) и Чжу Си (1130-1200) // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982. С. 206-316.

⁶ Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975.

Тан и Сун»⁷, полному собранию сочинений «восьми великих авторов Тан и Сун»⁸, сборникам *юцзи*, сборникам сунской прозы.

Предмет исследования: Предметом данного исследования стал один из видов сунской эпиграфики, а именно эпиграфические произведения в жанре *юцзи*. Исходя из названия «записи о путешествиях», основным содержанием текстов были описания прогулок и путешествий благородных мужей. Эпиграфические *юцзи* - небольшие по объему тексты, которые, как правило, размещались за пределами помещения и представляли собой законченные литературные работы. Вынесенные во внешнее пространство надписи имели свои специфические черты, они были ограничены в объеме, что определило высокую плотность содержания, и обладали повышенной социальной активностью⁹ вследствие своего местоположения. Надписи могли выполняться для мостов, храмов, кумирей, постоянных дворов, мельниц, садов, беседок, павильонов и т.д. Это синтетические сложносоставные произведения, в которых содержатся сведения из разных областей знания. Хронологические рамки исследования позволили охватить тексты X-XII веков.

Цели и задачи исследования:

- провести комплексное описание *юцзи* как исторического источника;
- показать эпиграфический жанр *юцзи* в качестве ценного исторического источника для изучения конфуцианской личности, истории культуры, литературы, эстетики, архитектуры, общества сунского периода;
- проследить историю формирования эпиграфики прогулочной тематики с момента возникновения и до Сун, определить особенности этого исторического источника в период Северной Сун;
- показать особенности взаимоотношений человека и природы в период Северной Сун;
- проанализировать взаимоотношения природы и общества в период Северной Сун;
- проанализировать наиболее значимые тексты *юцзи*;
- продемонстрировать значение *юцзи* как источника по истории религии и формированию местных религиозных культов;
- показать материалы эпиграфики *юцзи* как дополнительный источник для исследования конфуцианской идеологии в период Сун.

⁷ Например, 苏辙散文选集 / 孙虹选注. (Избранная проза Су Чэ / Сост. и ком. Сунь Хун). Тяньцзинь, 2002. – Далее СЧСС.

⁸ 唐宋八大家全集 / 余冠英等编. (Полное собрание сочинений восьми великих Тан и Сун / Ред. Юй Гуань-ин и др.). Пекин, 1996. – Далее ТСБДЦЦ.

⁹ Более подробно о специфике вынесенного в пространство слова см., например: Мартынов А.С. Надписи и модели как памятники культуры // Письменные памятники Востока. 2005. № 1. С. 131-166.

Методология: Для достижения целей и задач работы диссертантом использовался сравнительно-исторический метод, согласно которому исследование строится по направлению от текста к историческим явлениям, а также метод исторического анализа текста.

Научная новизна исследования:

- введены в научный оборот ранее не представленные в синологической литературе на русском языке источники. Показана их значимость для изучения китайского общества периода Северной Сун;
- дана характеристика эпиграфического жанра *юцзи*;
- проанализированы изменения структуры общественных отношений и общественного сознания, которые привели к расцвету *юцзи* в период Северной Сун;
- произведения *юцзи* показаны как косвенный источник, отражающий происходящие фундаментальные социальные перемены в рассматриваемый период;

Теоретическая ценность работы заключается в том, что в материалах исследования прогулочная эпиграфика *юцзи* впервые представлена на русском языке как единый пласт источников и историко-культурный феномен. Рассмотренные тексты дают более полное представление о жизни того времени. Разбираемые источники восполняют пробел в исследованиях частной жизни конфуцианской личности и интеллектуального досуга образованного сообщества.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих работ по историографии, истории, идеологии конфуцианства, культуре династии Сун, а также при составлении учебных пособий, спецкурсов и лекций по истории культуры, литературы, садово-паркового искусства.

Апробация работы: Основные положения диссертации были представлены на Годичных научных сессиях СПбФ ИВ РАН (2003, 2005 гг.), на XXIV Международной научной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». Некоторые аспекты данной работы получили отражение в статьях, опубликованных в журнале Вильнюсского университета «Acta Orientalia Vilnensis», в сборнике СПбФ ИВ РАН «Письменные памятники Востока», в «Вестнике Санкт-Петербургского университета».

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения, списка использованных источников и списка использованной литературы. В работе было использовано более семидесяти оригинальных текстов *юцзи*.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается научная актуальность выбранной темы, определяются цели и задачи исследования, показана степень

разработанности рассматриваемой проблематики, рассмотрены источники и литература, которыми диссертант пользовался в ходе работы.

Глава 1. Место *юцзи* в эпиграфическом наследии

В **первой главе** проанализировано место эпиграфики *юцзи* среди остальных видов традиционной китайской эпиграфики, даны общие характеристики *юцзи*, описаны виды путешествий и приведен краткий обзор развития эпиграфики прогулочной тематики с древности и до Сун. **Первая глава разделена на три параграфа:** «Китайская эпиграфика», «Характеристика *юцзи*» и «*Юцзи* до эпохи Сун». В первом параграфе **первой главы** диссертант обращается к самым древним эпиграфическим памятникам в Китае надписям на гадательных костях и надписям на бронзе, на примере коллекции музея «Лес стел» в Сиани описывает несколько разных эпиграфических памятников до династии Тан. В **втором параграфе первой главы** дается характеристика *юцзи*. Диссертант обращается к названию *юцзи*, подробно рассматривает значения и литературную ауру иероглифа *ю*. Среди значений, предлагаемых словарем для иероглифа *ю*, «путешествовать» стоит отнюдь не на первом месте:

- 1) плавать; носиться по воде; переплыть; течение
- 2) плавать в воздухе; парить; порхать; реять; носиться; летать
- 3) гулять; прогуливаться; совершать экскурсию; ездить для осмотра
- 4) объезжать; обходить; ездить с инспекцией
- 5) бродить; скитаться; блуждать; кочевать; слоняться; быть непристроенным
- 6) путешествовать; странствовать; путешествующий; странствующий
- 7) уезжать; уезжать на службу; служить; работать
- 8) предаваться праздности; бездельничать; веселиться
- 9) общаться; водить дружбу; дружить; поддерживать общение (с)

Все перечисленные значения связаны с движением и перемещениями души или тела. В словаре «Шо вэнь цзе цзы» говорится, что *ю* - движение реющих в воздухе знамен и флагов, флаги разеваются (*ю*) также, как течет вода. Это, по-видимому, первоначальное значение иероглифа *ю* было использовано для обозначения путешествий и странствий, отсюда видно, что такие перемещения имели более широкий, переносный смысл свободного перемещения, духовного парения, безмятежного существования. Древняя графическая форма иероглифа *ю* также передает разевающуюся бахрому на краю знамени.

Далее рассмотрены виды путешествий: ритуальные и религиозные путешествия, переезды и прогулки, мысленные путешествия. В **третьем параграфе первой главы** представлены отдельные литературные произведения о путешествиях, созданные до эпохи Сун: среди них памятники периода Восточная Хань, периода Шести династий и периода Тан.

Глава 2. Человек и Природа

Во **второй главе** рассмотрены взаимоотношения авторов *юцзи*, то есть конфуцианских личностей, и природы, представленные на материалах надписей *юцзи*. Первоначально природа не входила в основную проблематику конфуцианства и относилась к тому, о чем не говорил Конфуций. Постепенно, с ростом индивидуального сознания и в результате непростых отношений конфуцианцев с государственной властью, природа начинает занимать важное место в структуре конфуцианской личности. К сунскому времени природа становится доминирующим мотивом в отдельных жанрах художественного творчества конфуцианцев. Для того, чтобы перейти к рассмотрению взаимоотношений конфуцианской личности и природы в сунское время, диссидентту необходимо было показать почему и как природа была постепенно инкорпорирована и стала частью внутреннего мира конфуцианской личности, символизируя для нее свободу от государства. Для этого в **первом параграфе главы** диссидент обращается к взаимоотношениям конфуцианцев с государственной властью, которые и определили отношения конфуцианцев с природой.

Конфуцианское учение восприняло традиционный подход к власти как к инструменту устроения мира. Упорядочение и гармонизация мира, то есть процесс управления страной, проходили как проявление и распространение вовне сверхъестественных качеств правителя и его совершенной мудрости. Для успешного проведения этой важнейшей операции монарх нуждался в помощниках, от морального и этического совершенства которых зависело качество управления. Благоприятное соединение совершенномудрого правителя и выдающихся талантов в реальной политической практике было большой редкостью. Осознание редкости идеальной встречи правителя и его помощника, которая, по словам ханьского поэта И в.до н.э. Ван Бао, бывает «один раз в тысячу лет», привело к тому, что в реальной жизни конфуцианской элиты постепенно был выработан индивидуальный путь конфуцианской личности, которая сама определяла меру своего вовлечения в государственный аппарат. Для этого было необходимо найти и закрепить в культуре достойную альтернативу государственной службе, вид деятельности, который мог играть роль замещения службы для тех конфуцианцев, которые не нашли себе применения. Постепенно антitezой государству становится природа. Государство и природа как два полюса или два балансирующих начала неизменно присутствовали во внутреннем мире конфуцианской личности. Наличие этих двух составляющих нашло свое выражение в фундаментальной дилемме «служить или не служить», которая для «государственного мужа» была равнозначна гамлетовскому вопросу. Это определенное внутреннее раздвоение в сознании конфуцианской личности стало результатом сложного и не всегда благополучного соединения правителя и его помощников, то есть противоречий между государством и конфуцианской личностью. Двуполярная самодостаточная структура

конфуцианской личности оставалась без изменений в течение полутора тысяч лет вплоть до конца истории императорского Китая.

При рассмотрении структуры конфуцианской личности, в особенности той ее части, которая фокусировала свое внимание на природе, неоценимую роль играют материалы надписей *юцзи*. В этих текстах авторы фактически одновременно проявляют себя и как государственные мужи и как отошедшие от дел отшельники, что позволяет говорить о том, что переход от одной ипостаси к другой был мгновенным. *Юцзи* являются уникальным историческим источником для анализа структуры конфуцианской личности, позволяют проанализировать, когда и как природа становится неотъемлемой частью духовного мира конфуцианца.

Во втором параграфе второй главы дается краткая характеристика общества в период Северной Сун. В то время интенсивность общественной жизни привела к тому, что во многих видах художественного творчества начал доминировать пейзаж. Нестабильность и тревога в обществе объединяла представителей эпохи Сун с представителями эпохи Шести династий, когда зародилась пейзажная поэзия, в их стремлении к природе. Эпоху Сун характеризует смена ритма жизни и убыстрение социальных процессов. Интерес к природе с особой силой проявляется именно тогда, когда привычная жизнь рушится. В данном случае речь идет не о негативных переменах, а об объективном убыстрении жизни. Такое ускорение жизни было характерно для Европы в период Возрождения, и именно тогда в Западной Европе с особой силой проявился интерес человека к природе. Урбанизация и расцвет городской жизни привели к тому, что в городах стали создавать уголки природы и разбивать частные сады, чтобы отгородиться от общественной и служебной жизни. Природа стала необходима как способ защиты, количество чиновников постоянно росло, правительство периодически сокращало раздувшийся бюрократический аппарат, последствиями борьбы группировок при дворе в период реформ нередко становились переводы чиновников на службу в отдаленные регионы, единственным достоинством которых была красивая природа. В сравнении с предыдущим периодом Пяти династий общество было более стабильно, но давление на северных границах и остшая политическая борьба при дворе привносили в общественную жизнь тревогу за судьбу страны и ощущение начала конца. Внутренний драматизм и переломный характер эпохи привел, с одной стороны, к подъему патриотизма, с другой стороны, к формированию индивидуальной личности, которая рождалась в конфликте с государством, в ссылках, в размышлении о смысле жизни. В сунском литературном пейзаже природа часто являлась лишь фоном для философских размышлений. При этом времяпрепровождение на природе стало в это время неотъемлемой составляющей жизни образованного человека и основой для глубоких раздумий.

В *юцзи* взаимоотношениям человека и природы удалено огромное значение. Составляя единое целое и находясь в процессе непрерывных изменений, человек и природа активно влияли друг на друга. Взаимовлияния человека и природы, представленные в надписях *юцзи*, можно разделить на влияния природы на человека и влияния человека на природу. Исходя из содержания материалов *юцзи*, автор подразделяет последующую часть второй главы на три параграфа: «Человек, преображающий природу», «Природа, преображающая человека», «Природа как отражение внутреннего мира человека».

В третьем параграфе второй главы «Человек, преображающий природу» изменения человеком природы поделены на три части:

- 1) перестройка или усмирение природы (строительство дамб и мостов, рытье каналов, передвижение гор и исправление нравов)
- 2) эстетическое созидание (создание пейзажей и образов для любования)
- 3) формирование идеальной модели природы – сады

В первой части третьего параграфа рассмотрены вынужденные преобразования природы человеком: стихийные бедствия толкали людей на борьбу с природой, заставляли сплотиться и отстаивать свое право на жизнь. Эстетическое освоение природы шло в противоположном, антиобщественном направлении, человек обращался к красотам природы, чтобы убежать от перипетий смутного времени и социальной нестабильности. Эстетическая обработка природы проанализирована в четвертом параграфе. Пятый параграф второй главы посвящен китайским садам. В садово-парковом искусстве изменение природы одновременно несло и утилитарную, и эстетическую нагрузку. С одной стороны, территория сада полностью переделывалась человеком, чтобы представлять собой идеальную модель природы, с другой стороны, сад был частью дома и территории комфорта. Сад как пространство повышенной эстетической насыщенности представлял собой высшую форму преобразования человеком природы.

Тема борьбы со стихией традиционна для мемориальной эпиграфики, процесс усмирения человеком природы занимает свое место и в эпиграфике *юцзи*. В сунских надписях *юцзи* борьба с водной стихией, с паводками и наводнениями, встречается либо как отдельная развернутая тема, либо в перечислении заслуг местного управляющего. При перечислении заслуг она может возникать в надписи практически на любой постройке: храме, беседке или башне. Наиболее подробные рассказы об усмирении воды встречаются в немногочисленных надписях на мостах, дамбах, городских воротах. Борьба со стихией в Китае была неиссякаемой темой, она актуальна со времен легенд и преданий и до наших дней. Начиная с древнейших мифологических сюжетов об устройении мира, человек, взявший на себя смелость тянуться с природой, воспринимался как культурный герой. В Китае сохранились предания о первом императоре легендарной династии Ся Великом Юе 大禹, усмиряющем потоп, и об Юйгуне 禹公, передвигающем горы. Характерно,

что в Китае борьба с природными стихиями была исполнена социального оптимизма. В исторических анналах в основном фиксировались сведения об успешной борьбе с наводнениями, голодом, болезнями и т.д. В эпиграфике, в том числе в *юцзи*, упоминались достойные бытьувековеченными заслуги управляющих. Это свойство эпиграфики восходит к надписям на бронзовых ритуальных сосудах *цзинъэнь*, которые фиксировали события, достойные предстать на суд предков.

Основными стихийными бедствиями, упоминания о которых встречаются в надписях *юцзи*, были наводнения и засухи. Южные регионы современного Китая, где в настоящее время бывают тайфуны и землетрясения, к X веку еще были окраинами империи, видимо, поэтому упоминания об этих проявлениях стихии ни разу не встретились в рассматриваемых докторантом *юцзи*. Часть текстов повествует о преобразовании нравов диких «варваров», живущих в отдаленных уголках страны. По китайским представлениям, «варвары» относились к миру природу, противоположному культуре и цивилизации. В надписи для «Беседки пробуждения сердца» Цзэн Гуна «варвары» встречаются в перечислении атрибутов дикой природы, где упоминаются дикие птицы, хищные звери и варвары. Цзэн Гун писал: «Ученые в Поднебесной образованы, национальные меньшинства, птицы и звери, травы и деревья выполняют свой долг...»¹⁰ Окультуривание варваров - такая же задача хорошего управляющего, как и борьба со стихией. В «Надписи о достижении радости в Уезде Илин» Оуян Сю говорил, что пока в эти места не приехал правитель округа Чжу-гун 朱公, нравы были дикими. Чжу-гун, прибыв к новому месту службы, изменил нравы подвластного ему населения и окультурил варваров.

В надписях *юцзи* перестройка и усмирение природы занимает гораздо меньшее место, чем эстетическое освоение природы. В ходе многовекового наблюдения природы в китайской культуре складываются определенные эстетические образы, в описаниях природы, представленных в надписях *юцзи*, наиболее часто встречаются три типа пейзажа: пейзаж-панorama, пейзаж, показанный в процессе изменения, например, в разное время года, и пейзаж как убежище или средство отгораживания от мира. Популярной разновидностью пейзажа-панорамы являлся пейзаж, обозреваемый с точки, возвышающейся над местностью, будь то башня или гора. Обобщению эстетических образов природы, представленных в материалах *юцзи*, посвящена следующая часть третьего параграфа второй главы. Эстетическое восприятие природы - одна из самых обширных тем *юцзи*. Освоение природы в художественном творчестве начинается в Китае с поэзии, потом переходит на живопись и прозу. Расцвет monumentalного пейзажа и надписей *юцзи* совпадает по времени и приходится на период Северной Сун. Исследователь

пейзажа в искусстве Кеннет Кларк писал, что «пейзажная живопись отражает этапы нашего понимания природы. Ее возникновение и развитие со временем средневековья – это одна из попыток человеческого духа достичь гармонии с окружающим миром»¹¹. Это высказывание распространяется и на литературный пейзаж. Сами «записи о путешествиях» *юцзи* – результат эстетического восприятия природы. Одна из целей создания надписи - сохранить момент любования пейзажем в художественном слове. В тексте *юцзи* создается не только неповторимый пейзаж, но и общий образ пейзажа и природы, а также воспроизводится уникальность момента. Читая, зритель чувствует себя вовлеченным в этот же пейзаж в другой момент времени. Таким образом, он воспринимает пейзаж в пространственно-временном континууме. Описание насыщено деталями, которые читатель обнаруживает в окружающем пейзаже; так картина удваивается и обретает смысловую глубину. Надписи размещали на тех сооружениях, откуда любовались видами. *Юцзи* сравнимы с надписью на картине; разница в том, что это словесное сопровождение к живому, настоящему пейзажу. Оригинальное восприятие *юцзи* неотделимо от природы, это двойное восприятие естественного пейзажа и пейзажа в слове. По отношению к пейзажу надпись вторична, но по отношению к читателю и зрителю она первична как опыт предыдущего путешественника.

В *юцзи* тема садов занимает одно из центральных мест. Сады воспринимаются авторами *юцзи* как вид окультуренного, измененного человеком пространства. Пространство сада рождалось и обретало свою структуру в соответствии с космологическими и эстетическими представлениями китайцев, на небольшом кусочке земли создавалась высоко эстетизированная модель вселенной. Как отдельная тема в надписях *юцзи* сады возникают непосредственно после того, как частное садоводство достигает определенного уровня развития. Частное садоводство распространяется с эпохи Тан, а литературной, мемориальной темой надписей сады становятся при династии Сун. Наиболее известны были танские сады *цзайсяна* императора Сянь-цзуна Ли Дэ-юя 李德裕(787-849), литератора Дуань Вэнь-чана 段文昌 и высокопоставленного сановника Ню Сэн-жу 牛僧孺(780-849). При Северной Сун Западная столица Лоян была культурным и административным центром. Все четыре лоянских сада, которые представлены в этой части работы по материалам одной из разновидностей *юцзи* - надписей для садов *юаньцзи*, принадлежали высшей гражданской и военной аристократии. Два из пяти садов были основаны еще при Тан. Среди них «Сад озера» знаменитого танского сановника Пэй Ду 裴度(765-839), сад Ню Сы-аня¹² «Сад Гуйжэнь», «Сад рода Ли¹³», основателем

¹⁰ Цзэн Гун. Надпись в беседке пробуждения сердца. – ТСБДЦЦ, С. 1869.

¹¹ Кларк К. Пейзаж в искусстве. СПб., 2004. С. 14.

¹² Сы-ань – второе имя Ню Сэн-жу 牛僧孺(780-849).

которого был известный генерал, соратник первого сунского императора Тай-цзу, дядя по отцу Лигоу, и «Сад одинокой радости» Сыма Гуана, сановника высшего ранга и историка, который после ухода в отставку поселился в Лояне. Местоположение пятого «Сада больших иероглифов», называемого также «Садом Пумингоу», неизвестно. Предположительно, он находился в районе современного Жуяна в провинции Хэнань, в 1070 году после отставки Оуян Сю поселился неподалеку от этих мест. Надписи для садов позволяют охарактеризовать сады указанного периода в четырех аспектах: как модель природы, как синтез природы и культуры, как убежище отшельника, как источник радости. В описаниях садов и садового пространства, представленных на материалах надписей *юцзи*, прослеживаются те же типы пейзажа, которые были рассмотрены в предыдущей части третьего параграфа второй главы.

В четвертом параграфе второй главы показана «Природа, преображающая человека». Человек сам преображал природу: строил беседки, разбивал сады, создавал совершенные пейзажи для созерцания, - для того, чтобы в свою очередь подвергнуться эстетическому воздействию со стороны природы. Лирический герой *юцзи* менялся в процессе путешествия. В сунских надписях *юцзи* результат преображения внутреннего мира описывается как забвение или радость. В отдельных случаях через забвение герой приходит к радости. И забвение, и радость – особые состояния души, которые показывают читателю, что преображение состоялось. Путешествие через забвение к радости появляется уже у великого поэта Тао Юань-мина 陶渊明 (365 или 372 или 376 - 427) в «Персидском источнике».

Даосское забвение является результатом слияния человека с природой. Су Чэ писал, что Су Ши с друзьями, когда отправлялись на прогулки в горы, «забывали вернуться обратно и часто оставались ночевать в горах»¹⁴. Оуян Сю упоминал, что в Ханчжоу хозяева и гости беседок и павильонов, любуясь красотами природы, совершенно забывают о других радостях большого города, которые также доступны в этом месте¹⁵. Более подробно и детально о том, как происходит забытье, писал Цзэн Гун в «Надписи для беседки пробуждения сердца». Оуян Сю, хозяин беседки, смотрел вдали, и сердце его пробуждалось для забвения. Цзэн Гун подчеркивал, что переход в необычное состояние сознания, когда «глаза по-новому видят, а уши по-новому слышат», дает Оуян Сю возможность забвения. Если отшельничество – это образ жизни, то забытье или забвение – это состояние сознания отшельника, освободившегося от «мира пыли». Созерцание природы – традиционный

¹³ Род Ли – точно не установлено какой из семей Ли принадлежал этот сад. В двух семьях Ли были генералы, служащие первому сунскому императору. Представители первой из семей: Ли Чун-цзюй 李崇矩 и Ли Цзи-чан 李继昌; второй – Ли Вай-юнь 李外耘, Ли Цзи-лун 李继隆, Ли Цзи-хэ 李继和.

¹⁴ Су Чэ. Надпись для беседки девяти изгибов в Учане. – СЧСС, С. 103.

¹⁵ Оуян Сю. Надпись для зала красоты. – ТСБДЦЦ, С. 1001.

способ перехода в это состояние сознания, поэтому авторы *юцзи* и их герои поднимались на возвышенности, смотрели вдали и забывали обо всем. Поднимаясь на башню Юэян, Фань Чжун-янь говорил: «Когда поднимаешься на эту башню, сознание расширяется, и душа радуется; о том, что близко к сердцу принимал позор, забываешь, [пьешь] вино на ветру, и тебя переполняет океан радости»¹⁶. Забвение в сунских надписях *юцзи* предстает как психо-физическая практика очищения от мирской пыли, которая для героев надписей является столь же обычной, как и сами прогулки на природе, более того, - смыслом и целью этих прогулок.

Радость, которая наполняет сердца героев и авторов произведений, предстает в надписях *юцзи* как результат преображения человека природой и одна из целей общения человека и природы.

Можно выделить несколько видов такой радости:

- 1) Радость от ощущения природы как гармоничного космоса
- 2) Радость единения и отшельничества
- 3) Радость захолустья, наслаждение простотой нравов

Юцзи выступают как исторический источник по изучению духовных практик гармонизации внутреннего мира конфуцианской личности. Следует отметить, что изначально забвение, как и странствия, были частью даосского образа жизни, но постепенно обе эти категории становятся частью концепции конфуцианской личности.

В последнем, пятом параграфе второй главы природа предстает как отражение внутреннего мира человека и его глубоких переживаний.

В традиционной китайской культуре в основу взаимоотношений человека и природы положен принцип единства человека и неба, человека и природы (天人合一). Из суевы социальной жизни человек вновь и вновь возвращался к природе, чтобы подтвердить и возобновить это единство. Повторяющееся единение с природой было подобно ритуалу общения с предками. Цель обоих ритуалов – поддержание связи с вечностью, распространение себя в прошлое и будущее. Общение с природой – воспоминание о тех временах оных, когда мир еще не был поделен на небо, землю и человека. На природе отступает суевы и проявляется то вечное, что заложено в каждом из нас. Человек успокаивается, и как в спокойной воде становится видно то, что находится глубоко внутри, его душа становится умиротворенной и прозрачной. Так общение с природой становится одним из способов заглянуть вглубь себя. На природе человек раскрывается и проявляет свои истинные чувства. При помощи пейзажа в «Надписи на башне Юэян» Фань Чжун-янь передает внутреннее психологическое состояние лирического героя. На природе сунские авторы думали о своем месте в истории и описывали свою жизнь в образах природы, Ван Ань-ши

¹⁶ Фань Чжун-янь. Надпись на башне Юэян. – 古文鉴赏辞典 / 章培恒主编. (Словарь произведений древней прозы / Гл.ред. Чжан Пэй-хэн). Шанхай, 1997. С. 1159-1160.

использовал образ пещеры, Су Сюнь – образ водного потока. «Надпись о поддельных деревянных горах» Су Сюня и «Надпись о путешествии на гору Баочаньшань» Ван Ань-ши приближаются по форме и содержанию к философским притчам о судьбе конфуцианской личности. Человек показан в них как неотъемлемая часть природы и космоса, а его судьба как цепь случайностей космического порядка.

Обращение авторов к природе рождало вечные темы. Размышления сунских авторов о природе раскрывают перед читателем внутренний мир конфуцианской личности. Здесь выделяются три аспекта. Первый - вовлечение природы в активную общественную жизнь. Второй - полное соответствие пейзажа и внутреннего состояния и описание внутреннего состояния человека в образах природы: при этом создается ощущение единства человека и природы. И третий - природа дает толчок для размышлений глобального философского характера, возможность отдалиться от повседневности и создать вневременные образы. «Философские юцзи» появляются именно в период Северной Сун. На других исторических этапах философские размышления не были характерны для эпиграфики юцзи. Включение философской проблематики в тематику юцзи в это время говорит и о взлете философской мысли, и о расцвете юцзи при Сун.

Глава 3. Природа и общество

В третьей главе анализируются более общие взаимодействия природы и общества в период Северной Сун. Материал разделен на три параграфа: «Природа и культура», «Природа и история» и «Природа и религия».

В теме «Природа и Общество» основным противопоставлением является **природа и культура**. Культура, в самом общем смысле слова, есть проявление результатов существования человеческого общества. Такое понимание культуры появляется в XVIII веке в произведениях Жан-Жака Руссо. В надписях юцзи природа не понимается как нечто противоположное культуре. В сунское время часть природы превратилась в пограничную полосу между двумя территориями: «урбанизированным» пространством и относительно дикой природой. Эта полоса оказалась наиболее плодородной почвой для взаимодействия природы и культуры. На этом пространстве возникают монастыри и скальные храмовые комплексы в горах, каллиграфия на скалах, пейзажи, накрепко связанные с определенными историческими персонажами, надписи для построек на природе и другие природо-культурные феномены. Культурный налет - еще одно измерение Природы, и лишайник, и каллиграфические надписи на скалах для Природы, понимаемой как космос, - явления одного порядка. Юцзи рождаются в процессе диффузии Культуры и Природы; появление и популярность этого литературного жанра свидетельствует о том, что прогулки, странствия и путешествия благородных мужей становятся общественным феноменом и частью жизни общества. Конфуцианская личность, заняв удобную стратегическую позицию между

природой и культурой, получила свободу маневра и беспрогрызный путь к отступлению.

Основными объектами описаний природы при прогулках и путешествиях были горы и воды как главные составляющие природы. В текстах горы и воды неразрывно связаны, однако структурообразующим элементом являются горы. Представления о горе как о доминирующем объекте мироздания формируются в Китае в ритуальной практике и в искусстве, в живописи и литературе. Именно гора становится символом природы и космоса в китайской культуре. В европейском востоковедении исследованием взаимоотношения гор и культуры в Китае занимался такой блестящий синолог, как Демьеville¹⁷. Существуют несколько последовательно возникших причин, почему горы стали так важны для китайской культуры. Среди них можно выделить географическую, культовую и терапевтическую причины. Эти причины и сформировавшееся большое значение гор в китайской культуре в целом привели к тому, что горы стали одной из тем юцзи.

Материал в первом параграфе третьей главы «Природа и культура» разделен на две части: «Культура гор» и «Культура путешествий». Культура путешествий возникает как продолжение культов природных объектов, в том числе гор, в таком порядке эти темы и рассмотрены.

Территория Китая покрыта узором горных хребтов. Уже в «Шань хай цзине»¹⁸ упоминается 451 гора. В древности горы считались обителями духов и приносили жертвы духам гор. Каждая гора была священным местом. Значение горы заключалось не в ее высоте (山不在高), а в том, что там живет дух горы, бессмертный сянь или знаменитый отшельник, то есть гора имела свое человеческое лицо и свою культурную составляющую. Рассказы о жертвоприношениях в районах гор, о путешествиях к особо почитаемым горам неоднократно встречаются в сунских юцзи. В сунское время горы, как и в древности, были объектом почитания и объектом созерцания. Обычно с вершины горы открывались эстетически совершенные панорамные виды. До сих пор в Китае один из любимых способов проведения свободного времени – подниматься на гору.

Из всех гор наиболее почитаемыми в Китае считаются «пять гор» 五岳. Эти горы были выбраны из всех остальных гор в ходе исторического развития и потому, что они имеют особый внешний вид. В течение долгого

¹⁷ Demievile P. La montagne dans l'art littéraire chinois // Choix d'études sinologiques (1921-70). Leiden, 1973.

¹⁸ «Шань хай цзин» (山海经) – «Канон гор и морей» или «Каталог гор и морей», анонимный памятник предположительно кон. III – нач. II в. до н.э. Сочетает в себе географические и мифологические знания. В российском востоковедении его переводом и исследованием занималась Э.М.Яншиной. См.: Каталог гор и морей / Пер. и ком. Э.М.Яншиной. М., 1977.

времени «пять гор» были центрами императорских жертвоприношений, они символизировали пять сторон света: север, юг, запад, восток и центр. Пять сторон света в свою очередь воплощали собой всю Поднебесную, находящуюся под властью Сына Неба. В культе «пяти гор» воплотились географические и geopolитические представления древних китайцев. «Пять гор» группировались вокруг столицы государства, в разные эпохи в эту пятерку входили разные горы. Позднее «пять гор» стали соотноситься не только с пятью сторонами света, но и пятью первоэлементами: деревом, огнем, землей, металлом и водой. Культура «пяти гор» формировалась столетиями, было создано много связанных с ними художественных памятников. Среди них архитектурные сооружения: построенные для выполнения жертвоприношений императорские храмы, даосские и буддийские монастыри; литературные произведения: надписи поэтов и путешественников в стихах и прозе, посвященные «пяти горам». Вот как описывал особенности рельефа «пяти гор» и их отличия друг от друга известный философ и поэт XIX века Вэй Юань 魏源(1794-1857): «[Северная гора] Хэншань словно идет, Дайшань (другое название восточной горы Тайшань) словно сидит, Хуашань словно стоит, Суншань словно лежит, лишь только [южная гора] Хэншань словно летит»¹⁹.

Сейчас «пять гор» это - Тайшань, Хуашань, Хэншань, Хэншань и Суншань²⁰. На протяжении истории только местоположение восточной горы Тайшань не изменилось, остальные горы со сменой династий и переносом столиц менялись. На «пяти горах» императоры, чиновники, представители различных религиозных течений и простой народ вместе создавали синтетическую культуру «пяти гор». Нельзя сказать, что «пять гор» одинаково хорошо представлены в сунских *юцзи*, однако эти пять гор присутствовали как единое целое в мировоззрении сунских авторов. Часто они называли каждую из этих гор не по названиям, а по географическому положению в пятерке: Хуашань – западной горой и т.д. Например, Оуян Сю называет гору Хуашань западной горой Сиюэ²¹. В распоряжении диссертанта не было произведений, посвященных южной и северной из пяти гор. В то же время Тайшань, Суншань и Хуашань встречаются в сунских *юцзи*.

Восточная гора Тайшань знаменита своими величественными и суровыми пейзажами, а также ценными культурно-историческими и эпиграфическими памятниками. Тайшань называют сокровищницей памятников китайской письменности. Уже Оуян Сю ценил не природные

¹⁹中国山水文化 / 陈水运编著。 (Культура гор и вод в Китае / Ред.-сост. Чэнь Шуй-юнь). Ухань, 2001. С. 165. – Далее ЧШВ.

²⁰ В русской транскрипции и северная, и южная горы пишутся одинаково, по-китайски это разные иероглифы и, конечно, разные горы: Южная гора Хэншань (南岳衡山) и Северная гора Хэншань (北岳恒山).

²¹ Оуян Сю. Стела династии Поздняя Хань из храма Западной горы на горе Хуашань. – ЧЮСД. Шаньси, Шэньси. С. 326.

пейзажи горы Тайшань, а ее культурное наследие, он писал о циньских стелах на горе Тайшань²². Сунский автор Шао Бо 邵博(? - 1158) со слов друга описывал восход солнца на горе Тайшань²³. В своем произведении Шао Бо подчеркивал, что восхождение на гору Тайшань сочетает в себе и выполнение жертвоприношений, и любование восходом Солнца.

В «Письме Мэй Дянь-чэну о путешествии на гору Суншань» Се Цзян описывал о поездку на гору Суншань²⁴. В нем автор дает точные географические названия и подробное описание местности. Он упоминал два монастыря Цюньцзичжун и Цюньцзишан на пике Цюньцзифэн в центральной части горы Суншань, гору Тайшишань в восточной части Суншани и Шаошишань – в ее западной части. Интересно, что Се Цзян не упоминал монастырь Шаолиньсы, который был основан еще при династии Северная Вэй, находится на северном склоне горы Шаошишань и сейчас является главной достопримечательностью на горе Суншань. Можно предположить, что Се Цзян вслед за Хань Юем и своим младшим другом Оуян Сю а потом и Цзэн Гуном не был большим поклонником учения Будды, хотя во время путешествия друзья постоянно использовали буддийские монастыри как постоянные дворы. Во времена расцвета буддийской культуры местные жители говорили, что на горе Суншань 72 вершины, а под горой 72 храма. В «Надписи в беседке, где много изумруда» Оуян Сю писал, что из беседки, расположенной в Лояне, видны все 36 пиков на южных склонах горы Суншань²⁵.

Западную гору Хуашань называют «отвесной и обрывистой, скалистой и прекрасной шапкой Поднебесной, самой удивительной и опасной горой в Поднебесной», она похожа на устремившуюся в небо огромную квадратную колонну, со всех сторон которой обрывистые скалы, и только на вершине горы три пика похожи на распустившийся цветок. Известные танские литераторы Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй, Хань Юй приезжали на гору Хуашань и посвятили ей много художественных произведений. В сунское время были созданы прекрасные *юцзи* о поездках на гору Хуашань. Ли Фу написал свое творение прямо на стене постоянного двора на почтовой станции и назвал его «На северном склоне Хуашань застигнут дождем». Кисти Ван Да-чэня 王得臣(1036-1115?) принадлежит «Надпись о пике Лянъхуафэн», а Чжан Фан-пину 张方平(1007-1091) «Надпись о восстановлении обители Юньтайгуань». Хуашань была знаменитой даосской горой, и в последней надписи рассказывается история даосского отшельника, из чего видно, что культура

²² Оуян Сю. Циньские стелы на горе Тайшань. – ЧЮСД. Шаньдун. С. 6.

²³ Шао Бо. Запись о горе Тайшань. – ЧЮСД. Шаньдун. С. 9

²⁴ Се Цзян. Письмо Мэй Дянь-чэну о путешествии на гору Суншань. – ЧЮСД. Хэнань. С. 103-104.

²⁵ Оуян Сю. Надпись в беседке, где много изумруда. – ТСБДЦЦ, С. 1124-1125.

горы Хуашань имела влияние на авторов, которые посвящали этим местам свои произведения.

Каждая из трех описанных выше гор имеет свои природные и культурные особенности. На восточной горе на востоке встречают солнце, западная гора – самая опасная, на центральной горе 72 пика, каждый из которых имеет свою форму. Уже при Сун Тайшань была знаменита своей эпиграфикой, Суншань – буддийскими храмами, Хуашань – даосскими легендами. За последнюю тысячу лет культура «пяти гор» стала более насыщенной, но основное ядро ее сформировалось значительно раньше сунского времени. В сунских надписях *юцзи* перед читателем предстает сложившаяся «культура пяти гор». *Юцзи* не могут служить единственным источником для раскрытия темы «Культура гор», но могут быть ценным дополнительным материалом, раскрывающим культуру гор в определенные исторические периоды.

Знакомство с материалами *юцзи* позволяет говорить о существовании развитой культуры путешествий в сунском Китае X-XII веков. Существовало несколько очевидных предпосылок для развития и популярности культуры путешествий:

- 1) относительная мобильность населения и передвижения чиновников по стране, вызванные служебной необходимостью
- 2) формирование природных и культурных достопримечательностей
- 3) культивирование исторических персонажей: проезжая родные места или места службы известных исторических лиц, благородные мужи считали своим долгом их посетить

Сравнительно развитую инфраструктуру путешествий в сунском Китае в определенной степени можно назвать туризмом. Туризм – общедоступная индустрия путешествий. В данном случае речь идет о туризме интеллектуальной элиты общества, так как путешествия были доступны только служащим чиновникам, о чем писал Шэн Ко: «Горожане и крестьяне не могут посвятить и дня путешествию сюда, потому что все они заняты на работе, и у них нет свободного времени, чтобы смотреть на внешний мир»²⁶. Для туризма необходим досуг, базовое образование и природная любознательность, наличие путей сообщения и наличие известных объектов для посещения. Все эти исходные данные были в распоряжении сунских конфуцианцев. В сунском Китае путешествия оставались знаком принадлежности к определенному социальному и культурному слою общества, досугом образованной элиты, как охота или рыцарские турниры в европейских странах. Описанные в *юцзи* путешествия относятся к внутреннему туризму на сравнительно небольшие расстояния.

На основании текстов сунских *юцзи* можно выделить три основные составляющие путешествия:

- 1) общение с друзьями
- 2) осмотр достопримечательностей
- 3) созерцание и другие духовные практики.

На эти три раздела разбита часть работы «Культура путешествий».

Описание дружеских прогулок – одна из традиционных и популярных тем китайской эпиграфики. Классическим литературным образцом, рассказывающим о встрече друзей, стало «Послесловие к павильону орхидей»²⁷ великого каллиграфа Ван Си-чжи 王羲之 (303-361). Все последующие авторы равнялись на это произведение. Китайские авторы считали нужным сохранить описание своих прогулок для будущих поколений. Стремление сохранить эти прогулки в памяти говорит об их важности для участников и авторов. «Однажды, услышав [об этом месте], некто придет, сотрет пыль и посмотрит на стену, и увидит то, что некогда было написано нами»²⁸.

На материалах *юцзи* прослеживается, что уже к сунскому времени на всей территории Китая сформировалась разветвленная сеть природных и историко-культурных достопримечательностей. На окраинах страны это были в основном природные достопримечательности, в более освоенных регионах и природные, и культурно-исторические достопримечательности. Природные и культурные достопримечательности гармонично уравновешивали друг друга. В период Северной Сун в Китае была развита и литературно обработана культура путешествий. По надписям *юцзи* можно установить, какие регионы сунского Китая авторы считали процветающими, а какие захолустными, то есть получить представление о региональном развитии страны в тот период, потому что география надписей достаточно широка.

Духовные практики также были одной из составляющих путешествия. Материалы *юцзи* позволяют говорить, что путешествия были формой самосовершенствования и одним из видов динамической медитации. Конечно, в текстах *юцзи* не встречаются подробные изложения техник медитативной практики, однако свое внутреннее состояние во время прогулок и странствий авторы противопоставляют состоянию в обычной жизни. Себя во время странствия они сравнивают с отшельниками древности. Свое нахождение в горах и лесах они рассматривают как путешествие за границу «мира пыли», где они «никак не соприкасаются с внешней суетой жизни». Такие путешествия Су Ши называл «странствием вне вещей», в отличие от обычной жизни – «странствия внутри вещей». Идеалом

²⁶ Шэн Ко. Предисловие к стихам о путешествии к горным вратам Шаньмэн. – ЧЮСД. Аньхуэй. С. 445.

²⁷ Алексеев В.М. Классическая проза Китая. Минск, 2002. С. 138-141.

²⁸ Оуян Сю. Надпись о прогулке в саду больших иероглифов. – ТСБДЦЩ, С. 1124.

благородных мужей было, участвуя в повседневной жизни, продолжать «странствовать вне венцей».

Во втором параграфе третьей главы «Природа и история» рассмотрены некоторые качества природы и истории, которые прослеживаются на материалах *юцзи*: цикличность, избирательность, вечность и бренность, забвение и память, - а также персоналии, встречающиеся в текстах.

История как часть человеческой культуры тоже противостоит природе. В Китае природа и история сосуществуют в течение пяти тысячелетий. Если назвать два столпа китайской цивилизации, то ими могут оказаться как раз природа и история: трудно переоценить значение и одного, и второго для представителей этого культурного региона. По китайским представлениям, природа вечна, а человек и история временны и бренны. Эта концепция находит отражение уже в произведениях поэта периода Шести династий Бао Чжоа²⁹.

История - часть Природы, в этом качестве история принимает некоторые природные свойства, она циклична, избирательна, подвержена изменениям. В сравнении с природой история недолговечна, поэтому она нуждается в бережном отношении со стороны человека. Многие сведения умышленно или из-за ограниченности человеческих возможностей остаются за бортом истории, отсеиваются при формировании исторического канона. Потом приходит черед природы, которая в свою очередь не щадит историю. Содержание исторических памятников со временем претерпевает изменения. Исторические книги теряются, стелы разбиваются, незаписанные данные просто забываются и не сохраняются в памяти. Свидетельствами об ускользающей природе истории пронизана эпиграфика *юцзи*. Сама же природа мыслится как космос, огромный безграничный мир, который человек не может изменить или разрушить.

Среди персоналий, представленных в материалах *юцзи*, есть современники авторов и исторические личности. Исторические персонажи подразделяются на философов, военных и людей искусства, современники – на самих авторов *юцзи* и заказчиков надписей. С этими персонажами были связаны размышления авторов и читателей во время прогулок на природе. Содержание надписей *юцзи* позволяет утверждать, что в странствиях у разных авторов возникали схожие исторические ассоциации, что говорит о каноничности китайской культуры и единой системе образования конфуцианских чиновников в Сунской империи, в особенности это касается обращений к конфуцианской классике. Размышления о Конфуции, его последователях и учениках возникают не только в местах, непосредственно связанных с событиями их жизни. Напротив, мысли об известных генералах и военных чинах былых эпох появляются в связи с посещением мест

сражений, развалин крепостей, руин их домов, они сопровождаются рассуждениями о бренности и преходящем характере истории. Отправной точкой для воспоминания о людях искусства служит географическая точка соприкосновения с современностью, в которой в сознании всплывают их образы и их произведения. Значительную часть персонажей надписей *юцзи* составляют заказчики произведений, которые были современниками авторов. Часто в надписи, помимо истории создания постройки и описания природы, давалась характеристика заказчика. Словесный портрет заказчика содержал перечисление его заслуг на должности в той области или уезде, для постройки в котором предназначалась надпись, описание его достоинств и черт его характера, но не внешности, сравнение его с героями древности. Многие надписи были заказными произведениями, некоторые из них выполнялись для себя и своих построек, среди последних, например, «В беседке пьяного старца» Оуян Сю или «В беседке, где радуюсь дождю» Су Ши. Некоторые надписи авторы *юцзи* писали друг для друга, например, Цзэн Гун пишет «Надпись в беседке пробуждения сердца» для Оуян Сю.

В сунских *юцзи* образов современников больше, чем образов исторических персонажей. Наиболее значительной в количественном отношении группой современных персонажей являются заказчики надписей. Наряду с активно участвующими в управлении конфуцианцами, одна из категорий персонажей *юцзи* - отошедшие от дел и ставшие отшельниками чиновники или чиновники на досуге. Эти герои продолжают традиции исторических персонажей Янь-цзы 颜子(521-490 гг. до н.э.) и Минь-цзы 閔子 (536-487 гг. до н.э.). В надписях, посвященных современникам авторов, описания и характеристики героев более подробны и детальны. Образы исторических личностей более отточены и концептуальны. Обратившись к образам современников сунских авторов, можно обнаружить более многочисленный и разнообразный набор героев, чем среди исторических персонажей. Основные группы героев – заказчики и авторы, чиновники и отшельники. Среди современников авторов в текстах *юцзи* нет военных. В военном отношении у государства Сун были сильные противники, поэтому более правильным авторы считали обратиться к историческим примерам, отважным генералам древности. На основании материалов *юцзи* можно утверждать, что военные не были «героями своего времени» в период Северной Сун. Популярными героями надписей становятся некоторые из авторов *юцзи*, среди них наиболее часто встречаются Оуян Сю и Су Ши. Об Оуян Сю писали Цзэн Гун и Ван Ань-ши. В отличие от других авторов *юцзи*, Су Ши много писал о себе сам, рассказывал о событиях своей жизни и о своем внутреннем мире, часто упоминал о нем и его младший брат Су Чэ.

В надписях *юцзи*, предназначенных для разных построек, судьба человека тесно связана с географическими местами, где он жил. Со временем на местах возникали локальные культуры, некоторые чиновники превращались в божества местного пантеона и почтятся наравне с другими духами и

²⁹ См.: Бежин Л.Е. Се Лин-юнь. М., 1980. С. 158-159.

божествами. Добрая память о человеке сохранялась не только в его семье и среди потомков его рода, но и на местах службы благородного мужа. На родине и в местах службы известных исторических деятелей строились кумирни и храмы и постепенно складывались местные культуры. Сунские *юцзи* дают возможность пролить свет не только на уже действующие и установленвшиеся местные культуры, но и на возникновение и зарождение новых культов. Су Чэ писал о друге своего отца Ши-чжуна 师中(1018-1081). Он служил в Циани, и, когда он уехал, жители не забыли его, «дела, которые связаны с ним, не остановились»³⁰. Возникновение культа Ши-чжуна становится материальным воплощением благой памяти о нем в Циани.

Надписи *юци*, в особенности те из них, которые были выполнены для кумирен и храмов, дают обширный материал для исследования местных культов, их возникновения и распространения. В описаниях прогулок и путешествий авторы перечисляли те кумирни и храмы, которые встречались им на пути. Божествами местных культов становились выдающиеся и любимые в народе гражданские и военные чины. Главным условием для возникновения культа была народная любовь, именно это подчеркивают Оуян Сю в отношении известного генерала периода Пяти династий Ван Янь-чжана 王彦章(863-923) и Су Чэ в отношении Ши-чжуна. Созданием культов занимались не только народные низы, но и сами чиновники, которые старались оставить о себе память. Недаром, Ван Янь-чжан говорил, что барс оставляет после себя шкуру, а человек – свое добре имя. Авторы *юци* много сделали для того, чтобы сохранить хорошую память о тех друзьях и сослуживцах, которых они уважали и любили. Для Оуян Сю и Су Чэ Ван Янь-чжан и Жэнь Ши-чжун были не божествами, а живыми людьми, чьи дела и помыслы были благородны. Местные культуры возникали по аналогии с культом предков, объектом поклонения становился дух некогда жившего человека.

В третьем параграфе третьей главы при раскрытии темы «Природа и религия» присутствуют две противоположные тенденции: с одной стороны, это критика буддизма учеными конфуцианцами³¹, с другой стороны, длительные совместные прогулки, путешествия и тесное общение с буддистскими и даосскими монахами и наставниками и проникновение религии в жизнь конфуцианцев.

Китайская природа сама по себе всегда была одухотворенной и магической стихией, поэтому отношение китайцев к природе было отчасти религиозным. Природа позиционировалась как Космос или вся тьма вещей, не было ничего, что бы не относилось к миру природы. Как было показано в предыдущей главе, целью большинства духовных практик, выполняемых во

время прогулок, было достижение единства с природой и ощущение неделимости мира. Адепт переживал причастность к первозданному Хаосу до начала его деления на Инь и Ян, Небо, Землю и множество вещей. Со временем стало происходить сращивание природы с религиозными учениями, представители буддизма и даосизма строили в горах монастыри и храмы, которые превращались в крупные религиозные центры. Храмы и монастыри строились там, где легче отрешиться от всего мирского. Прекрасные природные ландшафты и территориально удаленные и труднодоступные места были привлекательными для религиозных деятелей. История горных храмов и монастырей часто восходила к первым монахам-основателям, которые были отшельниками. Превращение участков природы, в первую очередь гор, в религиозные центры было связано с отшельнической традицией. К эпохе Сун религиозные учения уже были широко распространены на многих известных горах. Проезжая районы природных достопримечательностей или религиозные центры, благородные мужи обращались к местным жителям, чтобы осмотреть окрестности. В горах было много монастырей, и лучшими проводниками были буддийские и даосские монахи.

Глава 4. Особенности *юци* разных авторов

Материал четвертой главы разбит на три части, посвященные отдельным авторам и их произведениям. В первом параграфе четвертой главы разбираются *юци* Оуян Сю.

Оуян Сю (1007-1072) является центральной фигурой в литературном сообществе периода Северной Сун. Он был близок и дружил с Фань Чжунянем, Се Цзяном, Инь Чжу 任洙(1001-1047) и Мэй Яо-чэнем 梅堯臣(1002-1061). К 40-50 годам XI века Оуян Сю становится бесспорным лидером литературного движения и открывателем новых талантов. О его высоких моральных качествах можно судить по тем отзывам, которые оставили об Оуян Сю его младшие современники Ван Ань-ши, Цзэн Гун, Су Ши и др. Он был лично знаком с остальными пятью из шести сунских великих прозаиков. Оуян Сю принял активное участие в судьбе Цзэн Гуна. Су Ши, Су Чэ и Цзэн Гун получили степень *цзыньши* именно в тот год, когда приемной комиссией государственных экзаменов руководил Оуян Сю. С отцом братьев Су, Су Сюнем, Оуян Сю был почти ровесником, Су Сюнь младше его на два года. С Ван Ань-ши они не были близкими друзьями, Оуян Сю не поддержал реформы Ван Ань-ши, хотя последний и приглашал его в них участвовать. Несмотря на политические разногласия, Ван Ань-ши очень тепло и уважительно отзывался об Оуян Сю. Своей жизнью и творчеством Оуян Сю не только объединил несколько поколений сунских литераторов, возглавив новое движение за возврат к древности при Сун, он перекинул литературный мост от Тан к Сун, от Хань Юя к Су Ши. В этой части работы сначала излагается биография Оуян Сю, а потом рассматриваются особенности его *юци*.

³⁰ Су Чэ. Надпись для хижини Ши-чжуна в Хуанчжоу. – СЧСС, С. 93-94.

³¹ Например, Цзэн Гун. Надпись для дворца Будды в монастыре Эхуоань. – ТСБДЦЦ, С 1873.

Юцзи Оуян Сю можно условно разделить на три периода: ранние произведения, написанные в ссылках и поздние работы. Из биографии Оуян Сю вытекают некоторые особенности его прозы. В качестве историка Оуян Сю занимался составлением династийных историй «Новой истории династии Тан» (Синь Тан шу) и «Истории периода пяти династий» (У дай ши). Историзм, размышления об истории и о месте личности в истории характерны для его прозаических произведений, в частности для *юцзи*. Второй особенностью надписей Оуян Сю является их связь с его служебной, политической и общественной деятельностью. Политическая и литературная жизни Оуян Сю тесно связаны между собой, это проявляется даже в таком лирическом жанре как *юцзи*. Эта особенность *юцзи* характерна не для всех авторов, например, несмотря на то, что Су Ши тоже занимал высокие государственные посты, упоминания об этом фактически не встречаются в его *юцзи*. В произведениях Оуян Сю видна его активная общественная позиция, его заботливое отношение к народу. Третья отличительная черта *юцзи* Оуян Сю – его любовь к природе и удивительному. Проявление любви к природе характерно для подавляющего большинства произведений *юцзи*, у Оуян Сю любовь к природе проявляется, в том числе, как любовь к удивительному, например, к удивительным камням или прекрасным цветам.

Наиболее известными *юцзи* кисти Оуян Сю стали «Надпись в беседке полной радости», «В беседке пьяного старца», «Надпись для зала красоты», «Надпись в павильоне Фэйфэй», «Надпись для павильона Чжоуцзинь в округе Сянчжоу», «Надпись для беседки на горе Сяншань».

Во втором параграфе четвертой главы рассматриваются *юцзи* Цзэн Гуна (1019-1083). Также как и Оуян Сю Цзэн Гун был из обедневшей семьи служилой аристократии. Он был учеником и последователем Оуян Сю, близким другом Ван Ань-ши. Цзэн Гун не достиг славы своего учителя, но вошел в шестерку лучших прозаиков династии Сун. Наибольших литературных успехов Цзэн Гун добился в прозе. Тематика его прозаических произведений широка и разнообразна: управление, экономика, налоги и сборы, образование, религии, гидротехника, оборона границ, дипломатические отношения и т.д. Разнообразие его работ не только тематическое, но и жанровое. Наибольшую литературную ценность в творческом багаже Цзэн Гуна представляет собой проза в жанре *цзи* (записи), одной из разновидностей *цзи* является и предмет данного исследования – *юцзи*. Также как и в предыдущем параграфе, сначала излагается биография Цзэн Гуна, а потом особенности его *юцзи*.

Юцзи Цзэн Гуна имеют сильную политическую окраску. Цзэн Гун отступал от традиционной структуры надписей *юцзи*, он много рассуждал об управлении и самосовершенствовании, и почти ничего не говорил о природе. Такое содержание надписей, предназначенных для прочтения во время прогулок, свидетельствует об отсутствии строго установленного канона и о том, что автор мог строить композицию текста в соответствии со своим

видением темы. Литературное творчество Цзэн Гуна развивалось в русле конфуцианства, он не разделял буддистские и даосские идеи, более того был ревностным критиком буддизма³² и активно проповедовал свои идеи. Размышления об основной проблематике конфуцианства, а именно: самосовершенствовании и участии в управлении государством, - нашли отражение в рассматриваемых произведениях. Несмотря на концентрацию внимания Цзэн Гуна в первую очередь на общественных и семейных ценностях, произведения 70-х годов XI века³³ позволяют взглянуть на личность писателя с другой точки зрения. В это время Цзэн Гун предстает менее критичным и более успокоенным. Основные характеристики личности Цзэн Гуна: преданность своим идеалам, трудолюбие, целеустремленность, критический склад ума, - находят отражение в его *юцзи*.

В *юцзи* Цзэн Гуна практически не встречаются описания пейзажа. Он делал это намеренно, например, в «Надписи для беседки пробуждения сердца», в «Надписи о путешествии на гору» почти не говорится об окружающем пейзаже. То, что Цзэн Гун не писал пейзажей в прозе, вовсе не означает, что он не умел этого. Например, в «Надписи в беседке на горе Даошань» он писал об опасных горах и потоках, которые окружают то место, где построена беседка. Редкий пример описания природы кисти Цзэн Гуна можно встретить и в «Надписи для террасы Нисянтай в месте похожем на гору Сяншань». В данном случае Цзэну было не обойтись без описания пейзажа, потому что название террасы напрямую связано с особенностями окружающей местности. Терраса Нисянтай была построена в восточной части города Фучжоу в провинции Цзянси, ее использовали для прогулок и отдыха, формы гор и ручьев, пейзажи местности, прилегающей к террасе, были похожи на виды горы Сяншань, которая находится в провинции Хубэй³⁴.

В третьем параграфе четвертой главы автор обращается к *юцзи* Су Ши (1036-1101). Авторы «Исследований в области сунской литературы» подразделяют прозу Су Ши на четыре раздела: суждения и лунь, надписи о путешествиях *юцзи*, оды *фу* и заметки *цзацзи*³⁵. Таким образом *юцзи* являются важной частью прозаического наследия Су Ши.

³² Во всех своих надписях для буддистских построек Цзэн Гун более или менее явно критикует буддизм. Среди них «Надпись для монастыря Юньфэнюань в уезде Фэньлиньсянъянь» (分宁县云峰院记), «Надпись для зала Будды монастыря Эхуюань» (鹅湖院佛殿记), «Надпись для зала Будды в монастыре Цайюаньюань» (菜园院佛殿记), «Надпись для монастыря Доушуй» (兜率院记).

³³ «Надписи для двух павильонов в Цзичжоу» (齐州二堂记) и «Надпись для беседки в даосских горах» (道山亭记).

³⁴ 中国古代散文史 / 刘衍著. (Лю Янь. История древней прозы Китая). Пекин, 2004, С. 254. – Далее ЧГСШ.

³⁵ 20世纪中国文学研究。宋代文学研究 / 本卷主编张益。 (Исследования 20 века в области китайской литературы. Исследования литературы периода Сун / Гл.ред. Чжан И). Пекин, 2001, С. 725-729. – Далее ЧВЯ.

Считается, что Су Ши достиг наивысших творческих успехов в прозе и в этой области художественного слова превзошел всех своих современников (ЧВЯ, С.722). Чжан Чжи-ле пишет, что после Оуян Сю Су Ши наследовал лидерство в литературном движении за возврат к древности, и уже при его жизни созданный авторами этого течения стиль прозы стал доминирующим в китайской литературе³⁶. Су Ши завершает преобразования в области прозы, начатые Хань Юем и продолженные Оуян Сю³⁷. С 70-х годов XI века Су Ши становится бесспорным лидером в литературных кругах. В отличие от Оуян Сю и Цзэн Гуна, в мировоззрении Су Ши гармонично сосуществовали конфуцианские, даосские и буддистские представления, поэтому каждый читатель может найти в его творческом наследии то, что ему близко, и Су Ши остается для китайцев гением на все времена. Традиционной характеристикой многогранного таланта Су Ши становится размах или широта творческого гения, по-китайски называемая 豪放 хаофан.

На протяжении жизни Су Ши было создано более 60 произведений в жанре *юцзи*, что намного больше, чем у Оуян Сю, Цзэн Гуна и других сунских авторов. Многие из произведений в жанре *юцзи* создавались Су Ши в периоды ссылок, или когда он служил в провинции. Наиболее известные произведения относятся ко второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XI века. Небольшие по объему произведения о путешествиях Су Ши писал во время южной ссылки в Хуэйчжоу (1097-1100).

В *юцзи* Су Ши ярко проявляется его сложное мировосприятие. Даосская тематика прослеживается в «Надписи для беседки Пьяный Бо» и в «Надписи для кумирни Чжуан-цы». В первой из них Су Ши писал об «объединении с десятью тысяч вещей» и «странствии вместе с творящим началом». К теме радости даоса-отшельника Су Ши обращался в «Надписи для беседки, где выпускаю журавлей». В «Надписи на террасе ледяной пустоты» Су Ши говорил о бренности привычного мира и о всеобщем круговороте перемен. «Расцвет и упадок, созидание и разрушение бесконечно ищут друг друга»³⁸, на месте, где были густые травы и дикие поля, сейчас возведена терраса, пройдет время, и тогда здесь снова будут только дикие поля и густые травы. Су Ши превращает только что возведенную террасу в ее отсутствие, и читатель, стоя высоко и глядя вдаль на горы, может почувствовать леденящую пустоту и эфемерность жизни. Умение постепенно углублять смысл текста характерно и для других произведений Су Ши.

Значительную часть заметок о путешествиях Су Ши составляют маленькие произведения 小品 сяо пинь. Часть из них вошла в сборник «Лес

³⁶ 张志烈。宋代散文的杰出代表- 苏轼 // 读书。(Чжан Чжи-ле. Су Ши – выдающийся представитель прозы периода Сун. // Ду шу). 1979. Вып. 5.

³⁷ 中国散文发展史 / 张梦新主编. (История развития китайской прозы / Сост. Чжан Мэнсинь). Ханчжоу, 1998, С. 332. – Далее ЧСФШ.

³⁸ Су Ши. Надпись на Террасе ледяной пустоты. – ТСБДЦЦ, С. 3144.

записей Дун-по». Этот сборник состоит из 5 цюаней, тексты произведений в которых в соответствии с содержанием распределены на 29 разделов. Первый раздел состоит из 12 коротких текстов, в которых описаны путешествия 记游. К маленьким произведениям сяо пинь относятся не только те, что вошли в «Лес записей Дун-по». Например, туда не вошли «Пишу о Лофе», «Описываю путешествие в монастырь Динхуэйюань» и другие. Среди 9 заметок, которые вошли в состав сборника, можно отметить «Описывают путешествие на гору Лушань», «Описывают путешествие в Сунцзян», «Пишу о ночной прогулке в монастырь Чэнтяньсы», «Путешествую в Шаху», «Отшельник, путешествующий на восток Чжэ», «Пишу о прогулке в беседку Сунфэн» и другие. Эти короткие произведения относятся к разным периодам жизни Су Ши. Обычно объем коротких произведений не превышает 200-300 иероглифов. Они не содержат пространных философских рассуждений, а передают моментальное впечатление автора. Именно произведения сяо пинь оказали сильное влияние на дальнейшее развитие *юцзи*, особенно в период Мин.

Неоднородность мировоззрения Су Ши скрепляется благодаря принципу единства противоположностей, многократно продекларированному автором, например, в «Надписи для Павильона размышлений» он писал, что между его «отсутствием размышлений» и «размышлениями» хозяина павильона Чжан Чжи-фу 章质夫 нет противоречий, в «Надписи для кумирни Чжуан-цы» говорит, что Чжуан-цы помогал Конфуцию, в «Надписи для Павильона Чаожань» призывает не делить мир на пары противоположностей и «странировать вне вещей». Для произведений Су Ши характерно глубокое философское содержание, во многом благодаря его творчеству *юцзи* сунского времени были названы «юцзи философов». По надписям *юцзи* воссоздается внутренний мир Су Ши, он следовал собственным эстетическим принципам, его произведения рожденны сердцем, в них нет промежуточного звена переосмыслиния, автор напрямую передает свой замысел. Оформленный Су Ши принцип прямой передачи замысла и естественности художественного слова, с одной стороны, символизирует завершение движения за возврат к древности, с другой, несет отпечаток идей чань-буддизма. Еще одна из особенностей *юцзи* Су Ши состоит в том, что он использовал описания природы для того, чтобы рассказать о своем внутреннем мире. Су Ши не пренебрегал описаниями природы, но для него была важна не столько объективная реальность, сколько духовная реальность, поэтому его произведения вырываются за рамки обыденности.

В заключении формулируются основные выводы проведенного исследования, и подводится общий итог работы. В ходе работы было показано, что в эпиграфике *юцзи* представлена в основном та составляющая конфуцианской личности, которая обращена к природе или проявляет себя через общение с природой. В связи с серьезной конкуренцией в среде

чиновников и борьбой политических группировок при сунском императорском дворе, конфуцианская личность не могла быть постоянно и равномерно вовлечена в управление. Частичная невостребованность привела к развороту личности от службы к природе. Именно та часть конфуцианской личности, которая фокусировала свое внимание на природе, стала объектом данного исследования. Значительная часть проблематики *юцзи* посвящена взаимоотношениям человека и природы. Широкое распространение эпиграфики *юцзи* в период Северной Сун свидетельствует о том, что в это время прогулки, странствия, общение с природой стали важной составляющей духовной жизни конфуцианского сообщества.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в издании, входящем в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций»:

1. Степанова Е.В. Природа и история: по материалам сунских *юцзи* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 3, ч. II. С. 317-324.

в иных научных изданиях:

2. Степанова Е.В. Основные темы эпиграфики Оуян Сю // Acta Orientalia Vilnensis. 2003. № 4. С. 150-163.
3. Степанова Е.В. Радость странствий // Письменные памятники Востока. 2006. № 1. С. 181-193.
4. Степанова Е.В. «Записи о путешествиях» *юцзи* как исторический источник по идеологии конфуцианства в период Сун (X-XIII): на примере «Надписи на башне Юэян» Фань Чжун-яня // XXIV Международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 10-12 апреля 2007: Тезисы докладов. СПб., 2007. С. 153-154.

Отпечатано в ООО «Копи-Р»
СПб, ул. Пестеля, 11 т. 982-16-42
Подписано в печать 07.12.2007
Тираж 100 экз.